

Н.М. РАКИТЯНСКИЙ

РОССИЯ И ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

РАКИТЯНСКИЙ Николай Митрофанович - кандидат психологических наук, доцент философского факультета МГУ.

Идея глобализации - одна из самых молодых политологических конструкций. Вплоть до 1987 г. база данных библиотеки Конгресса в Вашингтоне не содержала книг, в названии которых использовалось бы данное понятие. С начала 90-х годов количество книг и статей на эту тему стало увеличиваться лавинообразно, и сегодня подавляющее большинство экономистов, и вслед за ними политологов, считают, что глобализация является наиболее значимым социальным процессом конца XX - начала XXI века. Варианты глобализации обсуждаются и у нас [1]. Важнейшим критерием ее исследования служит не то, насколько точные предсказания сложных явлений оно дает, это невозможно в принципе, а то, насколько оно расширяет возможности предвидеть ход дальнейших событий [2].

Вместе с тем современные работы по глобализации выглядят сегодня если не как плагиат, то просто как сборник цитат из работ начала XX века; основания для аналогий имеются, но не во всем, конечно, поскольку историческая ситуация сейчас другая. Сам термин "глобализация" в силу его неопределенности на некоторую часть научной общественности оказывает почти магическое воздействие как "мощный инструмент убеждения, риторический прием, которому - в отличие от различных явлений внутренней политики не существует противодействия" [3]. Тема глобализации и глобализм как идеология этого планетарного явления стали в последние годы популярными по нескольким причинам. Во-первых, западный мир вышел из тяжелых испытаний 70-х-80-х годов и восстановил свою роль мировой экономической доминанты. Во-вторых, информационная революция позволила, как бы воедино связать регионы планеты. В-третьих, крушение социалистической системы, а затем и кризис в Азии создали иллюзию победы либеральных ценностей в мировом масштабе. В-четвертых, серьезное

значение имел растущий культурный обмен между странами периферии и "первым миром".

Тем не менее можно констатировать, что при всех видимых и формальных успехах глобализации, таких как информационная революция, распространение информационных и финансовых потоков, она входит в состояние кризиса. Это проявляется в том, что западный мир в течение последних десяти лет активно "самозамыкается", сосредоточивается в масштабах своей части мира, а не открывается для оставшейся части мира. Реальная статистика показывает, что за послевоенные десятилетия в мировой экономике весьма жестко прослеживаются тенденции, подтверждающие, что западный мир становится все более обособленным от остальной части человечества, хотя формально он все более и более активно с ней взаимодействует.

Часть стран, не способных вписаться в информационное хозяйство, выводится за его пределы и становится лишним элементом в мировом масштабе [4]. Эти различия и состоянии наций инициируют рост имущественного расслоения и социального напряжения внутри ряда стран. Сегодня доходы управителей корпораций, доходы всех, кто создает свои собственные компании в области высоких технологий, доходы программистов, исследователей в соответствующих областях на порядки превосходят доходы ординарных рабочих на Западе.

Речь идет о том, что глобализация сегодня активна в самых формальных моментах - в моментах, связанных с информатизацией, состоянием информации, распространением всякого рода систем, позволяющих делать финансовые транзакции исключительно быстро в разных регионах мира. Но при этом центры глобализации, центры перемен опять же остаются жестко локализованными в рамках западного мира. Так, политологи, бодро говоря о "новых путях" развития человеческой цивилизации, как правило, в первую очередь имеют в виду новые информационные технологии.

Но популярный тезис об Интернете как наиболее зримом воплощении глобализации в информационной сфере для большинства стран мира имеет выраженный спекулятивный характер. К середине 2000 г., по данным, приводимым Д. Фельдманом, число пользователей Интернета было близко к 304 миллиону. При этом 88% пользователей живут в странах, численность населения которых составляет менее 15% жителей планеты. В США и Канаде, где живет менее 5% мирового населения, сосредоточено более 50% пользователей Интернета. Да и там типичным пользователем сети является мужчина моложе 35 лет, с высшим образованием и высоким уровнем дохода, англоговорящий городской житель. В России число пользователей Интернета в настоящее время по реалистичным оценкам около 1% населения страны. При этом доступ во "Всемирную сеть" имеют в основном жители самых крупных городов (более миллиона жителей), учащиеся и сотрудники вузов, НИИ, крупных государственных учреждений, промышленных и, естественно, финансовых организаций. При этом, как правило, они владеют английским языком на уровне, значительно превышающем "англоязычность" среднего россиянина [5].

В связи с этим нашим политическим элитам предстоит, наконец, осознать и сформулировать наиболее приоритетные социальные запросы, которым должна соответствовать их эффективная информационная деятельность по обеспечению модернизационного развития страны. Но есть ли в России социальный субъект модернизации, который мог бы ее направить в русло позднеиндустриального капитализма, способного к информатизации [6, с. 248]? Те социально-профессиональные группы, которые еще недавно составляли потенциально массовую базу желаемых перемен, сегодня рассеяны, размыты и деморализованы благодаря либерал-реформаторским усилиям правящего класса.

Постиндустриальное общество в его нынешнем варианте развивается на основе весьма серьезных изменений в общественной психологии, обусловленных в первую очередь новыми экономическими причинами. Развитые страны сегодня выступают поставщиками качественно нового безграничного ресурса - информации и знаний,

получая взамен ограниченные материальные ресурсы из стран мировой периферии. Тем самым они создали новый механизм формирования богатства: сама максимизация потребления порождает в развитых странах рост значения человеческого капитала, который в отличие от России стал их основным ресурсом. В связи с этим обстоятельством в новой исторической ситуации все попытки "догнать" западный мир оказываются заранее обреченными на неудачу. Менее эффективным производителям грозит исчезновение с лица планеты. Не составляет большого труда уже сейчас назвать всемогущих чемпионов глобализации XXI в. и ее деморализованных жертв [7, с. 175].

Правящий класс нашей страны еще не готов реально учитывать, что глобализация порождена многовековыми модернизационными усилиями западного мира, всей логикой его развития и в XXI веке эти усилия будут направлены в первую очередь для целей западного мира, а не для нашего процветания и благоденствия. Реальная перспектива развития мирового процесса на ближайшее время состоит в том, что Запад будет последовательно и целеустремленно закреплять свои завоеванные позиции. Он будет жестко отделяться от остального мира, увеличивать разрыв с остальным миром, будет активно взаимодействовать только в рамках своего "клуба избранных". Еще одним красноречивым примером этого процесса является то, что в настоящее время 72% мировых иностранных инвестиций приходится на капиталовложения США, ЕС и Японии друг в друга [8]. Таким образом, становится все более очевидным, что глобализация является формой неолиберальной модели развития, предлагаемой Западом в интересах только Запада [9].

Тенденцией ближайших лет станет формирование группы стран, которые могут попытаться занять некую промежуточную, буферную зону между безнадежно отставшими и очевидно ушедшими вперед. Задача России - в лучшем случае попасть в эту буферную группу. Мы вновь входим в этап такого же ученичества, который Россия проходила много раз, начиная со времен Петра I. В этой связи можно предположить, что опыт, который может быть воспринят правящими элитами России, это опыт, не во всем, кстати, удачный, тех же стран Юго-Восточной Азии и Японии, осуществивших догоняющее развитие за последние десятилетия. В настоящее время по степени участия в информационной революции, в процессах интернационализации производства и капитала Россия находится далеко от лидеров второй группы - где-то на 50-м месте в мире. Фактически эта революция пока проходит без нас. В отличие от многих стран Латинской Америки, Азии и Западной Европы, где за последние полвека осуществлялись модернизации и соответственно менялись правящие элиты, в России не просматривается "мобилизационного настроя" ни у тех, кто правит сейчас, ни у тех, кто выступает под знаменем оппозиции и претендует управлять страной завтра [6, 8, 10].

Наши политики говорят о том, что Россия может войти в постиндустриальный мир на основе создания и продвижения отечественных уникальных технологий. Но наша история, традиции и нынешняя реальность российской жизни таковы, что даже если эти технологии и будут созданы, или будут проданы, или как-то реализованы, то они не приведут Россию к процветанию. Речь идет о том, что якобы посредством создания и успешной продажи новейших технологий Россия может войти в число ведущих мировых держав. Но это не означает, что в результате продажи неких технологий уровень жизни российских граждан повысится. Наоборот, мы в огромных количествах распродаем природные ресурсы, а никто из простых людей не видит за последние 10 лет повышения своего жизненного уровня. То же самое мы получим и распродавая технологии. Дело в том, что страсть наших элит к распределению и перераспределению не привела и не могла привести к появлению социального субъекта развития - того социального слоя, который мог бы стать локомотивом модернизации и вхождения страны в глобализирующийся мир. В частности приватизация в России не привела к появлению современной социально ответственной буржуазии. Задача, которую ставили перед собой участники дележа, была куда проще: прибрать к рукам, а потом дорого продать. В результате страна получила люмпен-развитие под флагом "свободного обмена" [6, с. 246-247].

Реальное развитие нашей страны и общества начнется только тогда, когда внутренний рынок, когда сами граждане страны будут иметь реальную возможность потреблять современные технологии, потреблять результаты, которые созданы этими технологиями, и, главное, быть заинтересованными, быть восприимчивыми к этому технологическому прогрессу, его продолжению и развитию. То есть мы опять возвращаемся к теме формирования и развития человеческого капитала, как нашего основного национального ресурса. О роли этого ресурса, об "инвестициях в людей", за редким исключением, почти не говорят [6, 10]. До тех пор, пока правящая элита будет заниматься только собой, а также поиском, освоением, распределением и дележом материальных ресурсов, никакой речи о прорыве в "клуб избранных" быть не может. Кто может быть субъектом организации и реализации этого прорыва? Какая часть нашей элиты обладает необходимым для этого уровнем духовно-нравственной рефлексии и политической волей? Реальность российской элиты не соответствует действительному ее назначению. Главная цель, преследуемая теми, кто имеет власть и капитал, - удержать их при всех обстоятельствах, обезопасить себя от общества, сделать все, чтобы население молчало, терпело, не противилось манипулированию собой, но тогда «разве можно к этой группе... применить слово "элита"» [11]?

В. Рубанов считает, что политические элиты, крупные компании России и, тем более, органы государственного управления сегодня не готовы к рациональному взаимодействию с субъектами интеллектуальной экономики и эффективному применению импортируемых информационных технологий. По его мнению, причина усиливающейся интеллектуальной маргинализации России в ситуации динамичного повышения мирового спроса на ценные знания и научно-творческие кадры связаны не с научно-промышленной отсталостью России. Причина в неспособности государственного руководства и политикообразующего класса страны дать адекватные ответы на вызовы постиндустриального мира, в непонимании сущности информационной экономики и ее производительных сил, с запаздыванием осуществления "революции в управлении" на всех уровнях [12].

Рано или поздно политические элиты России вынуждены будут решать проблему перехода от мобилизационно-технократической парадигмы развития страны, к, условно говоря, гуманистической парадигме, последовательно и терпеливо создавая консенсус по поводу ценностей модернизации России и путей ее вхождения в глобализирующийся мир. Но можно ли сформировать в стране с тысячелетней историей "славянотюркского синтеза" и традицией консенсуса между православными и мусульманами [13] ценностный консенсус на базе либеральной идеи с приоритетом личного над общественным?

В эпоху глобализации управление модернизационным процессом страны предстает как проблема управления важнейшими ценностными, социальными, интеллектуальными, психологическими и информационными ресурсами. Сложнейшей проблемой, которую придется решать нашему правящему классу, является поиск и определение свойств национальной политической системы, необходимых для обеспечения необратимого перехода от мобилизационного к инновационному типу развития при наличии мощных тенденций, подталкивающих Россию к мобилизационному типу модернизации [14]. Такой переход России еще ни разу не удался. Причины этого необходимо искать в традиционной неспособности наших политических элит реагировать на импульсы, исходящие от общества, а также вследствие особенностей нашей национальной политической культуры.

В конце XX века мы вступили в эпоху формирования информационного сознания. Симбиоз политики и информационных технологий порождает новые возможности, новое качество и новые проблемы. Впервые удешевляются и упрощаются технологии формирования сознания до такой степени, что они стали практически общедоступны. В отличие от традиционного маркетинга, они приспособливают не товар к предпочтениям людей, а, напротив, людей - к уже имеющемуся товару. Технологии этого изменения, по аналогии с традиционными высокими технологиями, направленными на изменение окружающей среды - *high-tech*, получили название *high-hume*. Первоначально

они использовались только для обозначения технологий формирования сознания, однако перспективы генной инженерии позволяют включать в эту категорию все технологии непосредственного изменения человека.

Благодаря информационным технологиям наиболее эффективным бизнесом стало преобразование живого человеческого сознания: индивидуального, группового и массового. Превращение формирования сознания в наиболее эффективный бизнес и в сверхэффективную политическую технологию - это уже революция. Она качественно меняет взаимоотношения между политическими элитами и обществом. Ее последствия еще не осознаны, и нет уверенности, что они могут быть осознаны в обозримом будущем, так как формирование сознания всегда носит двусторонний характер: воздействуя на сознание общества, правящая элита неминуемо меняет и свое. Убеждая кого-то в чем-то, субъект убеждения неминуемо убеждает в том же и себя, - и теряет связь с реальностью. Этот процесс неизбежно ведет к формированию системы рисков.

М.Г. Делягин убедительно, на наш взгляд, сформулировал ряд наиболее опасных в этом плане тенденций [15]. Первая опасность, связанная с превращением процесса формирования сознания в сверхэффективный бизнес, - это эффект самопрограммирования, когда управляющие субъекты в лице национальных и транснациональных элит в определенной мере утрачивают адекватную политическую рефлексию, что может привести к непредсказуемым и разрушительным последствиям в глобальном масштабе. Вторая опасность - профессиональное стремление PR-операторов и их хозяев решать проблемы реальной жизни страны методом "промывания мозгов". В ограниченных масштабах такой подход эффективен, но если он начинает доминировать, то также ведет к неадекватности управляющих систем. Классический пример - администрация президента России с 1995 г. и по наше время. Третья опасность широкого распространения информационных технологий связана со снижением ответственности субъекта управления. Работая с "картинкой" и образами, управляющий субъект неминуемо теряет понимание того, что его работа влияет на реальную жизнь реальных людей. Он просто забывает о них - и в сочетании с высокой эффективностью это превращает его в прямую угрозу для общества. Четвертой опасностью информационного сознания является возможность ограничения демократии. Дело не только в возможности ослабления государства, являющегося несущей опорой демократических институтов, но и в том, что для формирования сознания общества достаточно воздействовать на элиту, участвующую в принятии важных решений.

Высокая эффективность технологий формирования сознания качественно повышает влияние политических элит, владеющих ими, и тех, кто их применяет; такие люди и социальные группы становятся могущественными. При этом никакой "платы за могущество" нет. Субъект, индивидуальный или групповой, в нашем случае правящая элита, создавая и внедряя новые установки и ценностные ориентации, формирует качественно новое сознание общества, чувствует себя творцом, близким к Богу. Эйфория творчества вкупе с безответственностью обеспечивает ему невиданное удовлетворение от повседневной жизни. Безответственный, а по сути аморальный, стиль деятельности становится образцом для подражания, в том числе и за пределами "информационной элиты", что подрывает дееспособность общества и неизбежно ведет его к дизентеграции.

Систематические усилия по формированию сознания изменяют сознание элиты, и оно становится другим, чем сознание общества. Утрачиваются и без того ослабленные внутринациональная идентичность и солидарность, так как идеи и представления, рожденные в недрах общества, элитой не воспринимаются. Как быстро это происходит, можно видеть на примере России, где радикал-либералы уже в 1998 г., то есть за 7 лет своего господства, оторвались от народа значительно сильнее, чем коммунисты - за 70 лет своего. В ситуации, когда картина мира правящей элиты кардинально отличается от картины мира общества, элита отрывается от него, теряет эффективность, создается конфликт по известной схеме, когда "верхи не могут, а низы не хотят" [15]. Усиливается уязвимость общества перед лицом внешней информационной

и интеллектуальной экспансии [16], а также идеологических манипуляций. Особенно уязвимой становится элита, которая не только несет в себе все системные пороки своих исторических предшественников, такие как авторитаризм, кастовость, теоретическое иждивенчество, субъективизм, но и традиционно подпадает под влияние воздействий со стороны Запада [17]. Вместе с тем глобализация - это процессы, регулируемые рынком, а не государствами. Именно поэтому глобализация объективно уменьшает значение правящих национальных элит и национального правительства [7, с. 165], сводит российскую национальную специфику к функции [18], усиливает значение этнического фактора, что делает нас довольно уязвимыми [8].

В информационном обществе более интенсивно, чем в индустриальном обществе, происходит распадение социума на два класса. Это класс интеллектуалов, носителей знаний и класс тех, кто не входит в новую информационную экономику, господствующим товаром которой становится информация со сверхкоротким жизненным циклом. Это разделение весьма жесткое, потому что в принципе информационный класс, интеллектуальный класс сегодня имеет возможность создавать готовую продукцию фактически без применения труда других людей. Подавленный класс, отчужденный класс постиндустриального информационного общества не имеет даже моральных прав претендовать на тот продукт, создателем которого является интеллектуальный класс. И если мы посмотрим на статистику, то мы увидим, что в течение всего XX века, начиная с середины 20-х годов и до середины 70-х, то есть 50 лет, все имущественное неравенство в развитых странах устойчиво снижалось. Начиная с середины 70-х годов, оно столь же устойчиво растет. Это явным образом связано со становлением информационного общества, важнейшей характеристикой которого является превращение знания в основной элемент общественного богатства. Новое общество дает всем разные возможности, разное качество жизни, так как в нем усугубляется процесс социальной дифференциации уже по образовательному признаку. В этом обществе уже возникли в буквальном смысле невидимые границы, разделяющие людей: мировая паутина Интернета объединяет тех, кто имеет к ней доступ, и отсекает тех, кто лишен этого. Созданы и активно развиваются две параллельные системы коммуникации. Одна - для образованных и обеспеченных людей с современными средствами коммуникации. Другая система - для тех, у кого такой связи нет. В этом отношении внутри развитых обществ возникают жесткие классовые противоречия, которые могут привести их к серьезной деструкции и дестабилизации.

На вызовы глобализации может ответить и по большому счету отвечает, как может, общество. Общество, покинутое своими элитами и преданное ими. Идеал нового времени - раскрытие в каждом человеке широких и глубоких духовно-нравственных возможностей. Надвигающиеся на человечество социально-экономические, духовно-нравственные угрозы и опасности вызваны неспособностью индустриально развитых государств, современной цивилизации вырваться из приоритета материального потребительства и глобального насилия и войн, ведущих к засорению и разрушению природной, социальной, духовно-нравственной среды обитания [19].

Фундаментальное противоречие нашей эпохи и одновременно главный вызов человеческому сообществу в XXI веке - это противостояние либеральных цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национальной культурно-религиозной идентичности - с другой. И если у нас либеральная идея полагается отныне в основу государственно-общественной модели развития страны, то ей, в полном соответствии с либеральным принципом сдержек и противовесов, остается противопоставить в сфере воспитания, образования и формирования межличностных отношений политику утверждения системы традиционных для России ценностей. И потому вопрос о том, какими должны быть законодательство, образование, культура, социальные отношения, общественная мораль, есть вопрос о том, сохранится ли наша национальная цивилизация в XXI столетии, найдет ли она достойное место в мировом сообществе наций.

Возрождение России в новом веке и новом тысячелетии, возможно, даст, вопреки

предсказаниям П. Чаадаева, иной, положительный и спасительный, урок миру, устроив жизнь личности и общества в соответствии с принципами, в которых гармонично соединятся зависимость от нравственного закона с личными и гражданскими свободами [20].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Обзор точек зрения см.: *Юрьев А.И.* Тезисы доклада на заседании круглого стола "Глобализация: варианты для России". Информационное агентство "Росбалт". С.-Петербург. 2001. 28 септ.
2. Политическая наука: новые направления. М.: Вече. 1999. С. 441.
3. The National Interest. 1999. Spring. P. 9.
4. *Данилов Ф.И.* Глобализм, регионализм и современный трансформационный процесс // Социол. исслед. 1998. № 9.
5. *Фельдман Д.* Информационная и национальная безопасность России (к годовщине принятия доктрины информационной безопасности Российской Федерации) // Власть. 2001. № 9. С. 32-35.
6. *Красильщиков В.А.* Вдогонку за ушедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. С. 9-10.
7. *Уткин А.И.* Ракурсы глобализации // Полития. Зима 2000-2001. №4(18).
8. *Иноземцев В.Л., Караганов С.А., Никонов В.А.* Россия в условиях глобализации. Тезисы для обсуждения на IX Ассамблее СВОП. М., 2001.
9. *Юрлов Ф.Н.* Социальные издержки глобализации // Социол. исслед. 2001. №7.
10. *Иноземцев В. Л.* Глобализация: экономические аспекты и интересы России. Тезисы доклада. Стенограмма заседания в рамках Программы СВОП "Россия в глобализирующемся мире". М., 2000. 19 декабря; *Иноземцев В.Л.* Пределы "догоняющего" развития. М.: Экономика, 2000.
11. *Тощенко Ж.Т.* Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами // Социол. исслед. 1999. № 11.
12. *Рубанов В.А.* О национальной идее и будущем России // Международная жизнь. 1999. № 3; *его же.* О роли государства в хозяйственном обороте интеллектуальной собственности // Проблемы информатизации. 2000. № 3; *его же.* Об участии России в процессах глобализации мировой экономики. М: ИСПИ РАН, 2001.
13. *Панарин А.С.* Глобализм- это идея глобальной авантюры // Радонеж. 2001. № 17-18(117).
14. *Никифоров В.П.* Особенности политической модернизации общества в условиях мобилизационного типа развития. Автореферат канд. политических наук. М.: МГУ, 2001.
15. *Делягин М.* Россия в условиях глобализации // Независимая газета - НГ Сценарии. 2001. 1 I апреля.
16. *Юрьев А.И.* Введение в политическую психологию. СПб., 1992. С. 71; *Юрьев АИ.* Системное описание политической психологии. СПб., 1996.
17. *Чернышев Б.* Российские реформы XVIII-XX вв.: уроки истории // Власть. 2001. С. 72-76.
18. *Ионин Л.Г.* Консервативная геополитика и прогрессивная глобалистика // Социол. исслед. 1998. № 10.
19. *Яновский Р.Г.* Восток-Запад: социальные изменения и динамика геополитической ситуации // Социол. исслед. 1998. №7.
20. *Кирилл, Митрополит Смоленский и Калининградский.* Норма веры как норма жизни. Проблема соотношения между традиционными и либеральными ценностями в выборе личности и общества // Независимая газета. 2000. 16 февр.